

Людмила Гетманчук, Юлия Славачевская

Людмила Гетманчук, Юлия Славачевская

Шерше ля фам, или Возврату не подлежит!

Роман

Москва, 2014
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г44

Художник
В. Успенская

Гетманчук Л. Л., Славачевская Ю. В.

Г44 Шерше ля фам, или Возврату не подлежит!: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 313 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1666-0

Есть теория — все зло в мире от женщин. Я, Александра Мороз, свидетельствую — это неправда! Все зло в мире от плохого обращения с женщинами! Судите сами: двести лет меня морозили в ледяной пещере, потом разбудили, торжественную встречу не устроили, цветов не подарили. Пришлось самой пробиваться в жизни. И я пробились — от скромной Золушки до аристократки. Хотите узнать, что было дальше? Тогда шерше ля фам! И не попадайтесь мне под горячую руку!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1666-0

© Гетманчук Л. Л., Славачевская Ю. В., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

То, что нас не убивает, делает нас чудовищами.

NN

ПРОЛОГ

В тот роковой день просторный конференц-зал бурлил, переполненный разошедшимися не на шутку магистрами. Высокие университетские арочные своды сотрясались от гула взбудораженных голосов.

В лучах полуденного солнца плясали невесомые пылинки. Было пыльно и душно. Кое-где в запале научной полемики даже проскакивали голубоватые искры.

Надо сказать, это было не совсем обычное заседание...

— Многоуважаемые магистры! — Усиленный магией звучный голос председателя пронесся по помещению и осадил не в меру ретивых. — Вам не кажется, что мы здесь собрались не для того, чтобы выяснять, кто сильнее, а кто слабее? Не пришла ли пора действовать?

Магистры Лемидр и Авдор, которые от возбуждения повскакивали со своих мест, вернулись обратно в кресла, все еще красные и возмущенно сопящие. Открыто спорить с председателем Совета можно... чисто теоретически... Но чревато. Заклинание молчания или вариант позорного изгнания за дверь никто не отменял. Карьерой рисковать не хотелось никому.

Остальные заседатели попрытали улыбки в бороды и усы и подобострастно уставились на ведущего. Мужчина откинулся назад и положил унизанные перстнями руки на звериные головы, украшавшие подлокотники. Кресло с высокой рзной спинкой жалобно скрипнуло.

Глава Совета обвел тяжелым взглядом сидящих за круглым столом светочей науки. Те принищкли и постарались стать как можно более незаметными. Наглядная иллюстрация выражения «уйти в туман», актуального как никогда.

— Итак! Мы собрались не на вечеринку! — Маг пристально глянул на самого шустрого возмутителя спокойствия. — Праздновать будем потом, когда у нас все получится.

Раздался глухой ропот недовольства.

Председатель выдержал приличествующую случаю паузу и продолжил:

— Заметьте, я не сказал — «если получится»! — Лицемерно подсластил горькую пилюлю: — Потому что верю в вас.

Ученые мужи приосанились и начали шепотом распространяться о прошлых заслугах. Архимаг спрятал улыбку: как будто кто-то мог пропустить малейшую деталь из былых, обросших седой бородой подвигов!

Особенно это касалось магистра Авдора. Его противостояние «кому-то очень страшному и супермогущественному» навязло у всех в зубах и уже звенело в ушах. Давным-давно забылось имя «Великого и Ужасного», но подвиг все еще помнился и описывался как эпический. Да-да. Авдором и описывался. Наиболее ярко подробности и сюжетные перипетии всплывали в приватной беседе за кубком хорошего вина. Причем подробности всякий раз новые! Что делать... возраст, склероз...

— Время пришло! — вернулся к своей речи председатель. — Спящая в горах должна проснуться и вернуть в наш мир утерянную магию.

Ведущий снова сделал театральную паузу. Маги прониклись и заодно послушали дробный топот опаздывающих на занятия студиязусов.

— Как вы помните, надеюсь... — (Председатель действительно надеялся — это все, что ему оставалось.) — Двести лет назад в результате ошибки в расчетах произошла катастрофа...

— Это обязательно нужно вспоминать? — вякнул волшебник, пожелавший остаться неизвестным. Типа критика в действии.

Архимаг нахмурился и нажал:

— Вся магия нашего мира... или почти вся... — Еще один грозный взгляд на оппонентов. Кто-то с перепугу закашлялся. — Ибо то, что осталось нам, — лишь капля в море былого могущества магов Этеры... оказалась заперта в человеческом теле.

— Скажи что-то новое! — прошипел Лемидр.

— И скажу! — повысил голос председатель. — Я даже больше скажу — в женском теле!

Возмущение и накал страстей достигли апогея. Действительно, жуткое оскорбление. Разве женщина может постичь необъятное?

Архимаг горестно вздохнул о несправедливости бытия и, постучав перстнями по столешнице, привлек внимание. Скорбно:

— Слабый женский мозг оказался не в состоянии удержать неожиданный подарок великого мага прошлого, господина Зикана гер Траффа, и... отключился.

— Безусловно! — влез Лемидр. — Это лишь доказывает мою теорию...

— Теорию вы нам потом покажете на практике! — отшел возражения председатель. Нехотя продолжил: — Зикан лишь успел указать нам путь, набросав дрожащей рукой на обрывке пергамента пророчество. — Мужчина развернул клочок замусоленного пергамента. — Вы все знаете его слова...

Проснется та, что спит в горах,
и магия вернется в мир...

— Знаем! — грохнул кулаком по столу Авдор. — Уже наизусть выучили!

— Повторим! — рявкнул председатель. — Там дальше:

Не ошибается лишь тот,
кто к ней благоволит.

— И это еще раз доказывает мою теорию о... — взвился ущемленный в праве голоса Лемидр.

— Ваш доклад в следующем году! — постарался не отвлекаться на явную провокацию архимага. Вернулся к исходному тексту:

Ее прихода день и час
с днем смерти совпадет...

— Все зло от женщин! — покачал седой головой самый мелкий, но самый злобный женоненавистник, Касиб. — Только особа женского пола могла учинить такое непотребство!

— Вы имеете в виду — умереть? — хмыкнул председатель, стараясь не терять самообладания. — Так успокойтесь, тут написано...

Но двести лет еще пройдет,
пока она придет...

— Вот именно! — снова влез Лемидр. — Мало того что напакостила, скончавшись не вовремя, так еще и ждать себя заставляет!

Председатель пару раз глубоко вздохнул, чтобы громко не высказать сугубо нелитературным языком свою точку зрения. Пробежал глазами по строчкам.

— Тут еще дальше есть... бла-бла-бла... Ну и бред! Короче, это неинтересно, — пробормотал маг себе под нос. Вернул криво оборванный лист на стол и продолжил уже нормальным голосом: — В общем, этот день наступит через месяц.

— Дождались! — фыркнул Касиб.

Архимаг подумал о возможности испепеления взглядом. Идея показалась очень привлекательной. Но на повестке дня стояло другое неотложное дело. Пообещав себе вернуться к этой мысли позже, призвал всех к порядку и попросил внимания:

— Нашей первоочередной задачей станет подготовка к возвращению магии.

— И как вы намерены это делать? — Авдор собирался встать в первых рядах.

— Нам предстоит подобрать заготовки для накопителей, и сделать это необходимо до того, как проснется Спящая, — уныло пояснил председатель. Нашел взглядом гладко выбритого молодежого мага. — Это я поручаю вам, магистр Дарвий.

Сидящий напротив председателя маг вздрогнул, услышав свое имя, и привстал.

— А где я возьму столько заготовок?

— Затем проведем обряд призыва и пробуждения, — продолжил раздавать указания архимаг. — Его величество в курсе наших проблем. Вы получите временный пропуск в казну.

Собрание тут же выразило натужное верноподданниче-

ство и вполне искреннее восхищение щедростью монарха. Ибо всем было отлично известно, что обычно у его величества снега зимой не выпросишь, особенно для науки.

— Надеюсь, вы в состоянии выбрать три десятка камней без моей помощи, — с издевкой в голосе добавил глава Совета, когда восторги поутихли.

— Да-да, конечно. Можете не сомневаться! — закивал Дарвий и сел на место, едва не промахнувшись мимо стула.

Председатель обвел тяжелым взглядом сидящих за столом магистров.

«Пресветлая Царица, до чего мы докатились! Больше половины так называемых магов знают магию только теоретически. Остальные могут разве что свечу зажечь, и то... после часа-двух медитации. Из практиков мы превратились в теоретиков! Большинство заклинаний никто не понимает и, заучивая сложные конструкции заклинаний наизусть, просто тренируют память».

И то сказать... от великой Академии магии и колдовства остался один несчастный факультет, да и тот занимает пять комнат во флигеле главного корпуса — две аудитории, лабораторию и два кабинета.

Учеников всего лишь вдвое больше, чем учителей. Все они родились уже после катастрофы — и великие предки, наверное, в гробах переворачивались, наблюдая за потугами несчастных преподавателей сохранить осколки бывшего величия.

Ведущий ненадолго отвлекся. Король посмеялся, когда выслушал просьбу о драгоценных камнях для накопителей. Что же он тогда сказал? А! «От тридцати алмазов казна не оскудеет. Но больше от меня ничего не ждите».

Председатель стукнул ладонью по столу, разбудив уснувшего Тригла — самого старого из великих магистров.

— Следующий вопрос на повестке дня — наш отъезд в предгорье. Барон Марвиль гер Летгар, чье поместье находится в трех лигах от Священной горы, любезно согласился нас принять.

— Безусловно! — ввернул любимое слово Лемидр. Не удержал любопытства: — А сколько ему за это отвалили?

— Дорога туда займет двое суток, — проигнорировал злобный выпад председатель. — Так что назначаю отъезд на

пятое древня. Магистр Авдор, вы будете главным по организационным вопросам. Лемидр вам поможет.

Оба спорщика переглянулись, но не осмелились протестовать.

— А церемония? — почему-то фальцетом спросил один из магистров.

— Церемонию пробуждения проведем на месте, — отрезал архимаг. — У нас будет неделя, чтобы все как следует устроить. Вопросы есть? Нет? Объявляю заседание закрытым. — Взмахнул рукой в сторону выхода. — Студенты ждут. Все свободны!

Лерон гер Силиот, председатель Совета магов, наблюдал, как магистры один за другим покидают зал заседаний. Сложившаяся ситуация его пугала. Для церемонии нужна жертва, а добровольца до сих пор нет, и найти его за оставшиеся до пробуждения дни нереально.

Пророчество Зикана — та его часть, которая неизвестна широким массам, но бережно передавалась от одного главы Совета к другому, — гласило, что только кровь истинного мага разбудит деву. Личность самой девы, кстати, до сих пор оставалась загадкой. Никто точно не знал, кто она на самом деле.

Легенд было много, но какая из них соответствует истине — непонятно. Людская молва превращала ее поочередно: то во внебрачную дочь тогдашнего короля, то в принцессу, то в мать самого Зикана, то в его служанку или даже просто зашедшую за солью соседку.

Детей у мага не было, мать давно покинула этот мир, но были ученики — они и стали источником разноречивой информации. Все остальное — слухи.

Именно ученики рассказали, что вечером в ворота замка постучала одинокая путница, одетая как дама благородных кровей. Ни коня, ни какого-либо скарба при ней не оказалось, и ученики пришли к выводу, что дама прибыла порталом. Чародей приказал накормить, потом заперся вместе с ней в своей лаборатории, примыкавшей к спальне. Порешив, что мешать учителю не стоит, ученики спокойно пошли спать.

Ни криков, ни другого шума из лаборатории никто не услышал, потому что над замком всю ночь громыхла гроза,

сотрясая каменные стены. Утром слуга нашел мага мертвым на полу, а девушка лежала на столе и спала.

Когда ученики прочитали записи волшебника, они пришли в ужас. Девушку разбудить не получилось. Через месяц ее замуровали в горах, а самого волшебника похоронили. Но вместе с проведенным ритуалом прощания ушла и магия. Не совсем, конечно... но ее осталось так мало, что о настоящем колдовстве пришлось забыть. Этим крох волшебной силы хватало разве что огонь зажечь или мышей из дома изгнать.

Бредовые стихи сумасшедшего чародея да захороненное в горах тело безвестной прекрасной девы — вот и все, что осталось в наследство от человека, лишившего мир магии.

Часть первая

УРОКИ ВЫЖИВАНИЯ, ИЛИ КТО КОМУ СЛУЖИТ

ГЛАВА 1

Диагноз: сотрясение жизни, вывих судьбы.

Равиль Алеев

— Мне, пожалуйста, две бутылочки валерьянки, три корвалола, упаковку новопассита и ношпу, — сунула я деньги в аптечное окошко.

Меланхоличная толстушка-фармацевт в темно-зеленом медицинском халате молча выложила лекарства на прилавок, пробила чек и дала сдачу.

Я заглянула в полоску зеркала за спиной продавщицы: узкое лицо с голубоватыми жилками под глазами, спекшиеся губы, всклокоченная темная челка, выбившаяся из-под вязаной шапки. Опухшие стеклянные глаза с красными прожилками белков. Если б сама такую на улице встретила — испугалась. Не то маньячка, не то бомжиха, не то... Дожилась, в общем. И куда подевалась милая птичка-невеличка, как называл меня брат?

Я зевнула, прикрывая рот ладонью, вяло кивнула вместо «спасибо» и вышла из аптеки. Спать хотелось до ужаса. Глаза слипались прямо на ходу, хоть вилами подпирай, тупо ныл затылок, в висках пульсировала тягучая боль.

Еще одну такую ночь я не переживу! Либо в дурку отвезут, либо сама сдамся!

Третью ночь подряд мне упорно снились какие-то клоуны в белых балахонах, завывающие под дудку в огромном зале. Тоже мне йоги, так их и разэдак!

Люди, имейте совесть! Я выспаться нормально не могу! Сегодня даже на обед не пошла, заснула прямо за столом, уронив голову на клавиатуру. Подумаешь, проснулась с отпечатком всего алфавита на лице?! Зато хоть какая-то интеллектуальность!

И еще, как назло, начальник отдела рекламаций решил провести совещание только после пяти. Неймется ему, гаду и сволочи, подопытных помучить. Лучше б жене конфеты или цветы купил! Глядишь, и не пришлось бы звереть и оправдания себе искать: «Почему я, дорогая, опоздал к утренней побудке? — Совещание проводил! Горю на работе!» Тоже мне бракованная катапульта!

С работы ушла в семь, еще минут сорок тряслась в маршрутке, слушая в наушниках Rasmus, и чуть не проехала свою остановку. Хорошо, аптека прямо в нашем доме, далеко бегать не надо.

Когда я вошла в подъезд, было уже восемь. Лифт со скрипом вознес меня, сонную, на десятый этаж. Дверь в квартиру я открывала буквально на ощупь, потому как разлепить зенки была не в состоянии. Открывались либо глаза, либо дверь. Выбрала второе. Стоять с открытыми глазами, но в холодном коридоре, на сквозняке, кому угодно здоровья не прибавит.

Пять шагов по коридору налево — и я на кухне. Налила себе стакан кефира, высыпала на ладонь таблетки и быстро проглотила.

Фу-уф-ф! Ну все — больше никаких кошмаров. Древний ноут включать не буду, все равно целый день от компьютера не отхожу, лучше на час больше посплю.

Глянула на мобилку, которую, как на грех, поставила в последний момент заряжаться и забыла дома. Десять неприятных звонков и три эсэмэски! Стелла и Натка зовут в ночной клуб, в компании веселых парней. У кого-то из них день рождения.

Да счас. Издеваются, что ли? Сегодня ночной клуб у меня на постели, под одеялом. Рандеву с Морфеем и подушкой под надзором бабушки Корвалола и дядюшки Новопассита. Угу. Тройное свидание.

Дальнейшее помню с трудом, потому что мгновенно вырубилась, едва прикоснувшись головой к подушке. Но стоило мне провалиться в сон, как снова оказалась в том же зале...

— У-на, у-ра, у-то, у-ты...

Все, блин, я поняла! — эти ушлепки так алфавит учат. «Мама мыла раму, рама мыла маму». Скока буковок в китай-

ском алфавите? Не угадали! Ни одной! Там иероглифы! Которые я сейчас этим занудам покажу пальцами!

Я опять-таки оказалась в темном помещении, посреди которого стояли тухлявые бородатые старички в белых плащах с капюшонами. Перед каждым членом адской коллегии на полу горела свеча, а один из них (так и тянет испоганить русский язык непечатным словом!) — худой и повыше остальных ростом, торчал в центре круга. Тоже мне светоч! Лучше заткнись и не отвечивай!

— Гуля, муля, пуля, бэ... — выводили они хором, ритмично притопывая ногами. — Зуля, каля, маля... бэ.

Меня пробило на смех. Нет, я прекрасно понимала, что сплю. Хотя бы потому, что не ощущала ни холода стены, к которой прислонилась спиной, ни каменных плит под ногами.

Старички запели громче, и я с удивлением поняла, что начинаю им подпевать и пританцовывать на месте.

Ой, они сейчас тоже станцуют?!

Как в воду глядела. После особо высокой ноты «ля» участники хора мальчиков-зайчиков подхватили с пола свечки и, положив свободную от свечи руку на плечо соседа, начали, притопывая, водить хоровод.

Центральный болван в балахоне — наоборот, повел себя странно. Вытянув руки перед собой, хлопнул ладонью правой руки по левому запястью и выкрикнул очередную белиберду. А потом развел руки в стороны.

Дирижер хренов!

Тут я увидела кровь, текущую по его запястью. Падая на пол, она светилась и сыпала искрами, как бенгальский огонь. Через минуту чудак уже стоял в центре огненной пентаграммы, незамеченной мною ранее.

Вдруг он поднял голову и посмотрел сквозь прорези жуткой белой маски прямо на меня. Темные провалы на месте глаз невероятным образом оказались совсем рядом, и меня затрясло мелкой дрожью. Скажете, во сне так не бывает? Но я четко помню ощущение бесконечного ужаса, охватившего меня в тот момент.

Там, во сне, я, кажется, умерла от страха, а тут... тут проснулась.

Сплю я обычно на животе. Повернув голову направо, где

стояла прикроватная тумбочка с лампой и будильником, увидела цифры «00:00».

Странно. Это ж надо так было подгадать!

Меня окружала ватная тишина, даже пропал обычный шум улицы. Время вспучилось мыльным пузырем и остановилось, чтобы дать мне возможность проснуться окончательно. Не успела я повернуться на спину и облегченно вздохнуть от успокаивающей мысли, что это всего лишь сон, как на место последнего нуля на часах выпрыгнула единичка — и все закружилось, завертелось вокруг бешеным водоворотом.

Сначала на потолке появилось темное пятно. Оно быстро увеличивалось и вскоре стало не меньше метра диаметром. Надо мной распахнул свой зев темный туннель. Следом меня оторвало от кровати, разворачивая вокруг оси. При этом голова оказалась внизу, а ноги и то место, откуда они растут, — наверху.

Никакого света в конце, никакой легкости и предвкушения — только идиотская черная дыра, в которую меня затянуло ногами вперед, как в прорубь!

Потом я проснулась еще раз. Было холодно, но почему-то совершенно не страшно.

Еще не успев открыть глаза, я поняла: что-то не так. Может, это все еще ночной бред?

Ну да! Я что, окно не закрыла или в холодильнике решила переночевать? И кто утянул мое одеяло? Почему вместо любимого пухового меня целиком накрыли холодной скользкой простыней?

Дернула головой. Под закрытыми веками вспыхнул разноцветный фейерверк. Проморгавшись, я все же открыла свои похрустывающие смерзшимися ресницами очи.

Ой, мамочки, я, кажется, спиной примерзла к кровати! Да и не кровать это вовсе, скорее, на стол похоже... прозекторский... ледяной. Подо мной еще одна простыня, но она почему-то совсем не грела. А я, кажется, голая! Или не кажется... Но голая! Отдайте ночнушку, уроды! Это не раритет, а предмет ночного туалета порядочной дамы! Для маскировки!

Будем надеяться — это все еще сон. Что там психопаты... ой, психологи советуют сделать, чтобы проснуться, а?

Та-ак... ага, ущипнуть себя или уколоть булавкой. Хорошо, попробую.

Опять вспышка разноцветных огней перед глазами. Это как? 3D-видео прилагается?

Пальцы зашевелились с каким-то странным хрустом... словно лед трещит. Нашарила свое бедро. На ощупь оно походило на кусок мороженого мяса. Большо-ой кусок отбивной. Свиной. Вот это у меня ассоциации! Мечта Зигмунда Фрейда.

Ущипнуть не получилось. Что-то мешало. С трудом выпутавшись из покрывал, подняла руку...

Вспышка. Вспышка. Вспышка! В каморку проскользнули тени. Они постояли надо мной и сгнули, пропали, растворились.

— А-а-а! — завопила я во весь голос, одновременно пытаюсь отлипнуть от льдины и сбросить с себя простыню. — Ноги!

Худые, синюшные, будто у покойницы, пальцы украшали длинные загнутые когти, отнюдь не ногти!

Рекорд Книги Гиннеса побить не смогу, но в двадцатку идиотов, отрастивших себе полуметровые ноготки, — попаду запросто. Без сомнений. И как, простите за физиологию, этим в носу ковырять? Совмещать с чесанием мозга?!

Продолжила осмотр...

Руки как у больной булимией манекенщицы — кожа да кости. Цвет рук... мм... прямо-таки неземной. Ага, синюшно-желто-зеленый. Ноги... меня передернуло... кошмар какой, лучше вообще не смотреть. Я не медик, мне человеческую анатомию изучать совсем не обязательно.

Что со мной? Где я? Опять вспышка. Если это из серии «плющит» и «ломает» — боюсь, сейчас и колбасить начнет.

Дергаясь как припадочная, попыталась сесть. С хрустом полопались и разлетелись в разные стороны тонкие льдинки. Мотая закоченевшими ногами и руками, я окончательно запуталась в тряпках и сползла на пол.

— Ку-ку! — с трудом ворочая языком, сказала, чтобы не молчать.

Меня трясло. Такое чувство, будто в прорубь ныряла.

Нет, я, конечно, могу произнести прочувствованный монолог и воззвать к силам добра... или поинтересоваться, где

зло, но... В общем, показываться кому-то в виде замороженной селедки «под атлантическую» не хотелось. Я все еще помню: мой пол — женский!

Покрутила головой. *ВСПЫШКА!*

Глыба льда, на которой я лежала еще минуту назад, оказалась невысокой. Наверное, где-то по колено, не больше. Это немаловажное обстоятельство спасло меня от обретения полноценной лысины, потому как волосы не пускали. Они намертво вмерзли в лед, а в том, что это лед, — я больше не сомневалась.

Короче, съехала с ледяной горки и повисла на собственном скальпе, рискуя окончательно облысеть.

— Господи, да что ж такое! — Я взвыла от боли.

Вспышка! Огненные розы, вспухая шипами, сражались с блеклыми хризантемами, а недовольные гвоздики роняли пламенные лепестки мне на плечи. Вот как знала — не надо было лакировать корвалол новопасситом, ох не надо!

Стоя на коленях, с остервенением начала дергать собственные патлы, тщетно пытаясь освободиться. Ногти ломались, путались в прическе и жутко мешали.

— Может, откусить? — Я с отвращением покосилась на «когти». К этому подвигу я еще пока не была морально готова.

Продолжила издевательство над собой. Ничего не получалось. Волосы, скручиваясь змеей у подножия постамента, смерзлись и не поддавались моим попыткам вырваться из ледяного плена. Слава богу, оставшейся свободной длины хватало, чтобы повернуться.

Подергав еще минут пять, устала от бессмысленности собственных действий.

— А если так? — спросила я саму себя за неимением лучшего собеседника и начала рвать пряди по волосинке. Дело спорилось. С легким звоном волосинки рвались одна за другой.

Прям музыка! Угу. Концерт для одной дуры с аккомпанементом из пакли.

Последняя прядь лопнула.

Ура, товарищи! Свобода!

Встряхнув оставшейся шевелюрой (а неплохо так осталось, почти до талии), я встала. Теперь можно и осмотреться.

Занесло меня в пещеру с низким полукруглым потолком, не очень большую, но достаточно просторную, чтобы поместилось мое ложе и осталось еще по паре метров с обеих сторон. Одна стена склепа чуть светлее остальных. В изголовье постамента рядом с остатками волос что-то стояло... то ли коробка, то ли сумка — не поймешь, потому как все покрыто сантиметровым слоем льда.

Я подобрала обе простыни и замоталась в них, как в сари — одну сложила пополам и обернула вокруг тела под мышками, а вторую накинула сверху, как гигантский платок. Получилась довольно экзотичная мумия. Но мне на данный момент было плевать на любые модные тенденции. Жаль, на ноги намотать нечего.

Я внимательно осмотрела свои ходули, ногами такое называть грешно.

— Мечта вампира!

Вердикт не поддавался апелляции. Когти — во! Как у горного орла!

— Двигаться, надо двигаться! — подбодрила я себя. — Все размять, вашу мать!

Мышцы болели, суставы скрипели. Каждый элемент движения скорее походил на занятия ушу, а не на зарядку. Яркие вспышки перед глазами следовали с угрожающей регулярностью. Я всю старалась не обращать на них внимания.

«Начинаем производственную гимнастику! Раз-два, раз-два! Ноги выше, руки в стороны. Выполняем наклоны вперед, доставая ладонями пол...» — вспомнила я радиопрограмму из далекого детства.

Когти со скрипом проехали по льду.

— Блин, надо с ними что-то делать! — расстроилась я. Сари, как назло, упорно сползало вниз. Приходилось бегать на месте, прижимая простыню к груди.

— И чего это тут стоит? — заинтересовалась я, чуть-чуть согревшись и решив добежать до приза. Если стоит в царстве вечной мерзлоты, значит — приз! Должны же у меня быть хоть какие-то иллюзии!

В общем, Бог послал обожравшейся вороне кусочек сыра, а несчастной замерзшей мне всего лишь сумку из твердой кожи, сшитой швами наружу.

— Ногти — это наше все! — заверила я себя и пошла оттачивать маникюр — лед сцарапывать.

После некоторых усилий и пары поломанных ногтей pokazался длинный ремень.

— Эхма! — поднатужилась я и дернула! — Ура!!!

Кхх! — Меня со всей дури приложило по животу ледяной глыбой, в которую превратилась сумка.

От удара я плюхнулась на попу, поехала спиной вперед по льду к стене и с грохотом стукнулась затылком. Скинув сумку с коленок, ощупала голову — вроде цела.

— Или мне кажется, или в моей усыпальнице стало светлее? — продолжила я диалог с умным человеком, медленно вставая и разворачиваясь. — О! Окно в Европу!

Угодив по стечению обстоятельств в более светлую стену, я ее разрушила своим птичьим весом.

— Кто ж так строит! — возмутилась я, расширяя маленькое отверстие, сквозь которое было видно синее небо и облака. Помитинговала: — Дашь свободу замерзшим девушкам!

На пламенный призыв никто не откликнулся. *Халявщики! Все самой, своими руками!*

Используя сумку в качестве ядра, я смогла расширить окно до размера собачьего лаза.

— Какая прелесть! — похвалила сама себя и устроила трудовой перекур, решив совместить его с изучением сумки.

Вспышка! Вспышка! ВСПЫШКА! В моей башке поселилась китайская фабрика фейерверков, и какая-то сволочь кинула туда горящую спичку!

Вернувшись к постаменту, я поморщилась. Глядя на ледяное поле, все пыталась вспомнить — обморожение начинается с цистита или сразу на мозги переходит? Пол, кстати, выглядел еще непригляднее.

Выбрав из двух зол меньшее, я уселась на лежанку, подстелив под себя край сари, и вытрусилa содержимое сумки рядом.

— Опа! — Первым лотом выпал комок белого цвета, в котором угадывалось то ли платье, то ли ночная рубашка из тонкого материала, известного под названием марля. — Специально для вечной мерзлоты! Последний вой модельера-садиста!

Второй предмет коллекции представили тапочки-балетки на кожаной подошве. Им я искренне порадовалась, хотя мечтала о валенках. Все равно сразу нацепить обувь не получилось — мешал экзотический педикюр.

— Такое оружие пропадает! — запечалилась я, рассматривая ноги. — Взмахнул ногой один раз — и пять царапин на роже!

Следом мне досталась еще одна белая тряпка, расшитая жемчугом.

— Шаль или пояс? — покрутила я в руках. — Фата, блин! — Зарычала: — Лучше б ватник положили, ур-роды! А то в ледники с вуалью закапывать они могут, а о бедной девушке позаботиться — ума не хватает! Ладно, будет пояс! — И намотала его вокруг талии.

Ни еды, ни воды в сумке не было.

— Жмоты! — обиделась я. — Могли ведь пару полуфабрикатов с неопределенным сроком годности подкинуть! А это что такое?

Из сумки выпал мешочек на завязках.

— Тяжелый, — взвесила на ладони. — Может, хоть что-то ценное!

Открывать его пришлось зубами — ногти все еще мешали, хоть и укоротились почти до нормальной длины.

Мне на колени выпало ожерелье, два браслета и четыре кольца с разноцветными камешками. Драгоценности заманчиво блестели в луче заглянувшего через дырку во льду солнца, переливались и пускали радужные блики на стены пещеры.

Полюбовавшись, сунула их обратно в мешочек.

— Голову оторвать тому, кто НЗ¹ в эту сумку складывал! — возмущалась я в голос. — Хоть бы пару конфет положили, гады! Верю же, верю — было!

Небось сами втихую пожрали! Вот голову даю на отсечение — женщин к процессу сборов не допустили. Потому что любая женщина первым делом положила бы в мешочек шоколадок, пирожков или галет, сухофруктов, меда, ну или на крайний случай бутерброд с колбасой.

Ощупала сумку и нашла еще один предмет — во внутрен-

---

¹ НЗ — неприкосновенный запас.

нем кармане на самом дне лежал ножик чуть больше столового, в ножнах из темного дерева. Ой! Острый.

— Теперь я вооружена и очень опасна! — злорадно заявила я, занимаясь делом и со стоном и воем обрезаю вкривь и вкось ногти. — Нет, ну точно мужики торбу собирали! Золото, оружие и совсем не подходящие ни к ледяному климату, ни мне лично тряпки!

Через час с помощью ножа и частых упоминаний безвестной матери мне удалось расширить дыру до такого размера, чтобы в нее можно было пролезть.

Сначала я высунула голову и осмотрелась.

Небо нормальное, синее, совсем как у нас, и облака ничем от наших не отличаются, вполне обычные.

Судя по всему, я в горах. Справа и слева виднелись заснеженные горные хребты. Прямо передо мной далеко внизу угадывались лес и голубая лента реки. Перед входом в пещеру была площадка два метра на десять. Слава богу, высоких ледяных сугробов и ледяных торосов на ней я не наблюдала, а что там дальше — бог его знает, рассмотреть не удалось.

Сумка упала первой, за ней с трудом протиснулась я.

— Хорошо, что я не Винни-Пух! — возмущенно бухтела. — А то пришлось бы неделю демонстрировать чудеса строгой диеты! А кому? Кролика бы я съела в первую очередь!

Вылезла на белый свет и задумалась.

Еще тогда, когда увидела свою руку с когтями, догадалась — я попала. Нет, вляпалась. В прямом и переносном смысле. Куда — еще предстоит выяснить. Последнее, что помню: хоровод старичков в белых балахонах и маску на лице того гада, который выдрючивался посередине зала.

— Какие из этого можно сделать выводы? — бормотала я, пританцовывая и попутно дыша свежим воздухом. А хорошо пахнет. Весной! — Да самые простые — меня вытащили насильно и поместили в это тело. Судя по ушам и яй... простите, ногтям и волосам, пролежало оно здесь не один год!

Мне померещилась надо мной на склоне большая тень, с перепугу я озверела и пнула остатки льдинки.

— Не могли нормальное дать? Лежалое, сволочи, всучили! Чтоб добро не пропадало, да?

Минуть пять попрыгала, шипя и жалея ушибленный большой палец на ноге. Потом пошла развивать тему дальше.

К балахонам я тоже никаких положительных эмоций не испытывала:

— Ну, только попадитесь! Все, до чего дотянусь, — выдерну как компенсацию за произвол и насилие над личностью! Спущусь, найду и устрою террор!

Я легла на живот и осторожно подползла к краю площадки.

— Что мы тут имеем? Ага, ступени широкие — это хорошо, обледеневшие — плохо! — Воображение представило спуск и сыграло в ящик. Заблаговременно.

Если бы я знала, во что это выльется, куковала бы в пещере до второго пришествия. В любом случае сидеть на камешке и ждать, что меня заметят вертолетом с воздуха, смысла нет.

И я рискнула.

Сумку перекинула на спину и перевязала платком, чтобы не болталась. Сари хитрым манером связала между ног. Получились не очень удобные штаны, но в моей ситуации это лучше, нежели юбка. От второй простыни — кстати, чистый шелк на ощупь — отрезала две полосы и обмотала ноги от ступней до колен включительно. Надела тапочки. Теперь я точно напоминала мумию.

Села на край, оттолкнулась, поскользнулась и... Гей-гоп! — поехала вниз, как на санках. На каждой ступени подлетая в воздух, я неслась, как профессиональный бобслеист или слаломщик. И только снежная пыль отмечала мой путь...

— Ма! — Ступенька. — Ма! — Еще одна. — Ой! Боль!.. но! — Счет сбился на третьей.

Меня перевернуло на сто восемьдесят градусов. Потом обратно. Пещера давно скрылась из виду, а я все летела вниз.

Наконец, подскочив в очередной раз, я заметила, что полоса льда заканчивается. Снег стал более рыхлым и уже не таким скользким. Еще одна ступень — и я затормозила. Но не удержалась, из положения сидя упала ничком, в последний момент успев закрыться рукой.

Так и коптила небо тылом кверху, пока приходила в себя. «В себя», к слову, не очень-то и стремилось пускаться обратно.

ГЛАВА 2

Большое путешествие начинается с маленького шага.

NN

— И как жить дальше? — Пригорюнилась, стяхивая с себя прилипшие камешки и ощупывая нос и все, до чего додумалась. Оказалось, в моем организме осталось еще много нетронутых разумом мест.

«С приездом тебя, Сашенька! — поздравила себя. — Добро пожаловать в другой мир!»

Сомневаться в обратном не приходилось.

Раннее утро. На небе висело похожее на солнце яркое дневное светило и две, совсем не похожие на луну, простите за тавтологию, луны.

Кряхтя и постанывая, встала. Оглядела свой костюмчик, который уже явно не сидел и даже, пардон, не лежал, — и горестно застонала.

— Красота в лохмотьях! — возмущенно пыхтела я, обвязываясь второй простыней поверх первой.

Дырки маскировала. Что спереди, что сзади — непредусмотренные в некоторых местах громадные прорезы смотрелись провокационно. Слишком наводили на грустные мысли меня, злорадные — других баб и неприличные — мужиков. А я еще не созрела для иномирного тесного внимания!

Внизу температура воздуха казалась чуточку теплее. Была бы на Земле, сказала бы — весна в самом разгаре. Ну-ну. В самую пору для моего гардеробчика.

Опять увидела большую смазанную тень, которая мелькнула справа на склоне. Галлюцинации, однако...

Спуск я продолжила уже на своих двоих, потирая несчастный копчик, которому досталось больше всего, и вспоминающая незлым, но крепким словом все, что попадалось на ум. ВСЕ.

Бодрой и злой козочкой, спотыкаясь и перепрыгивая через камни, я спустилась к подножию горы. Пересекла относительно ровный участок, заросший кустарником и стрелками лиловых подснежников, потом, постепенно спускаясь

ниже, вступила в лес. Если не ошибаюсь, впереди должна быть река, замеченная мной ранее.

Спину кольнуло ощущение пристального взгляда. Кольнуло — и пропало.

Оглянулась.

— Это неправильная гора! — удовлетворенно заметила я.

Гора действительно была неправильной. Слишком быстрый контрастный переход: от ледяной корки до зеленой травки. Но, сказать по правде, я этому сказочно рада — если бы я съехала на пятой точке по правильной горе, то сюда доехали бы только уши!

Есть хотелось все сильнее. Кишки играли марш, зубы выстукивали реквием, ноги выплясывали тустеп и краковяк. Идти по лесу оказалось труднее, нежели я представляла — соответственно ругалась я все громче. Жизнь была из меня и по мне ключом. Буквально.

Вскоре я уже замучилась спотыкаться о корни деревьев. Они пересекали мой путь в разных направлениях, прятались в траве и даже свисали сверху. Э нет! Пардон! Сверху — это были ветки.

Лес был странным, совсем не таким, как у нас. Хотя, может, на далеком севере или в предгорьях Гималаев и растут приземистые, разлапистые, с покрученными стволами елки или вот такие тонкие изогнутые сосны... но я там не была и о том не ведаю. А здесь деревья переплетались друг с другом, оставляя совсем мало места для бедной измученной путницы.

Пахло прекрасно — сплошные фитонциды. Я даже пару еловых иголок пожевала — освежает, но не питает. Опять на краю видимости мелькнуло что-то огромное. Я так не играю! Если тут такие орлы — хочу быть муравьем!

Меня по-прежнему беспокоило чье-то отдаленное присутствие. Будто кто-то, хитрый и осторожный, пасет меня, как беззащитную овечку. Хищник? Стало страшно.

Чем дальше в лес, тем больше дров попадалось на пути. Шагая по опавшей хвое и кучам сухих листьев, периодически припадала к стволам и мечтала. О чем? О простом и человеческом. Пусть вон то белое дерево окажется березой — и я его съем! Камчадалы же едят? Говорят, они снимают бересту и едят тонкий слой коры, по которому бежит сок.

Мучил не только голод, но и неизвестность. Хоть я и читалась в свое время фэнтезийных романов, но сейчас даже приблизительно не представляла, что делать в такой ситуации. На бумаге перемещение выглядит легко и непринужденно. В реальной жизни все оказалось намного тяжелее.

И тут начались чудеса...

Для начала меня полюбили белки. Угу. Свою неземную любовь хвостатые млекопитающие сначала выразили шишками, а потом стали бросаться на меня сами.

То есть еда шла сама в руки — казалось бы, если брезгливость пропала, ешь мясное меню и радуйся! — но тут совесть неожиданно сделала кульбит и отказала мне в праве лопать доверчиво прижимающихся ко мне зверюшек. Наотрез.

Мою ногу обнял бобер и старательно шлепал широким хвостом по траве, выражая сумасшедший восторг. С другой стороны пристроились еноты-полоскуны и предъявили претензии на мое сари. Постирать, наверное, вручную захотели.

Следом показались два лося и, наставив на меня ветвистые рога, пошли здороваться. Мне стало как-то не по себе, и я рванула вперед на всех парах. Лоси не стерпели бегства предмета обожания и рванули за мной. Слава богу, навстречу им вылетела другая парочка, и они устроили разборку: кто из них меня больше любит. Я не осталась выяснять результат. Скорей всего, мне его и так сообщат. Позднее.

Голодные спазмы сжимали желудок и призывали к действию во имя выживания.

Я и выживала. Как могла. Потому что на меня с распростертыми объятиями пошел крупный медведь.

— МАМА! — заорала я и пала на землю, попытавшись притвориться мертвой.

Хе-хе. Не вышло. Обслюнявили как живую. Я гордо отказалась участвовать в разврате и выползла из-под медведя, который отвлекся на подошедших с ничейным результатом лосей. К тому же топтыгину мешали разочарованные в его единичном владении объектом нежных пристрастий белки.

И я сбежала... куда глаза глядят. Но сердце, печень и почки отказывались идти дальше без предварительной подкормки и грозили объявить забастовку, перестав работать. Тоже мне Белоснежка! Кому бы пожаловаться: вот-вот умру с голоду, окруженная едой! Ситуация глупее не придумать.

Я покрутила головой, облепленная зверьем со всех сторон. Увидела белый ствол.

— Ой, березка! — обрадовалась я и поползла, отягощенная любовью.

Нож легко прорезал дырочку в бересте — острый, зараза. И я припала к надрезу, чтобы слизать первые капли драгоценного сока. Витаминчики, углеводики. Боже, какое блаженство, и как мало для счастья попаданке надо!

Я обняла деревце и сосала, сосала освежающе-сладкую водичку... Сил прибавлялось на глазах, и даже зубы перестали стучать.

Насытив организм полезными веществами, разлеглась у подножия березы, периодически отбрасывая от себя особо влюбчивых экземпляров.

Принюхалась. Пахнет дымом — значит, неподалеку люди. Выскакивать и ломиться сквозь заросли глупо; еще напугаю бедняг до инсульта. Поэтому я затаилась, спрятавшись за деревом.

Это я так себе вообразила. На самом деле я-то стояла за деревом, а вот зверье там уже не помещалось. Так что мы как бы тут присутствовали большой дружной мишпухой¹.

— Тсс! — прошипела я влюбленным, и они заткнулись. Даже кукушка замолчала на тысяча каком-то «ку-ку!». Впрочем, предыдущих накукованных лет мне и так хватило бы с лихвой...

Выждав несколько минут, ничего не услышала, и мы решились продолжить путь. Вскоре ступили на тропинку, которая вывела нас к кострищу. Угли еще дымились, но никого рядом не было. Возле костра лежали обглоданные кости с остатками мяса. Неподалеку валялась окровавленная шкурка убитого животного размером с крупного зайца. А на камне возле примитивного очага, на листе лопуха обнаружилась одна нога, еще никем не надкусанная. ЕДА! ЕДА!!!

Как ненормальная, схватила плохо прожаренную ногу неведомого зверя и жадно впиалась зубами в сочное мясо, мысленно поблагодарив неизвестного охотника за подарок судьбы.

Мне в тот момент было все равно. Ни бактерии, ни мик-

---

¹ Мишпухой (*диал.*) — семьей.

робы не волновали — это была первая еда, которая попала в мой желудок за целый день, и подозреваю, что последний раз я ела очень, очень, очень давно.

И все звери посмотрели на мою трапезу с таким осуждением...

— Жить как-то надо! — прочавкала я, извиняясь за плохие манеры.

— У-у-у! — подтвердили волки.

— Не отдам! — рывкнула я, активно пережевывая. — Самой мало!

— Фу! — сказали волки и вознамерились меня полюбить, отобрав мясо. Счас! Получив по бошкам каким-то крупным, давно обглоданным мослом, волчары с глухим ворчанием и скулежом убралась любить меня на расстоянии.

Только когда на костях не осталось ни кусочка, я начала понемногу соображать.

Костер есть, значит, недалеко от меня разумные существа. Логично? Вполне! Сомневаюсь, что примут за свою, поэтому надо принять меры, то есть замаскироваться. Белые тряпки выдадут меня сразу, а быть мишенью для аборигенов отчаянно не хочется.

Недолго думая скинула сари, вытащила из кострища две горсти пепла и тщательно размазала по ткани. Грязно-серые разводы живописно украсили материал, но мне показалось, что этого мало!

Звери смотрели на это как на дополнительное развлечение. Еноты тут же изъявили желание помочь и начали размазывать лапками все подряд.

Скунс тоже хотел помочь, но его заткнули и отправили любить издали, в задние ряды моего зверинца.

Я нарвала молоденькой ярко-зеленой травы и добавила цвета соком. Теперь моя одежда напоминала маскхалат американского пехотинца.

Полюбовалась. Вздохнула.

За мной вздохнули все, включая волков, и уставились с непонятным обожанием.

— Меня на всех не хватит! — погрозила я пальцем.

Звери переглянулись, но любить не перестали.

Жребий, что ли, тянуть будут? Ладно, об этом потом...

В этот раз я не стала обматываться, а прорезала в центре

дырку для головы. Завязав расшитым платком, получила вполне приличное платье. От второй простыни отрезала угол на косынку. Ноги обмотала, как и прежде. Теперь я буду просто неотразима!

Зверье тут же это подтвердило. Я решила не обращать внимания и игнорировать любые проявления чувств в свою сторону. Сделать вид, будто навязчивых поклонников как бы и нет.

К мешочку с драгоценностями привязала ленточку и повесила на шею, чтоб не потерять: все-таки это мое единственное богатство. Само наличие драгоценностей наводило на мысль о цивилизации.

Повезло? Или путь в никуда, как в пещере?

Дальше я шла осторожно, часто замирая и прислушиваясь, но вокруг только невидимые птицы пели свои песни в кронах деревьев. Это если продолжать игнорировать и не обращать внимания на толпу обитателей леса всех мастей и калибров, неотвязно следующих за мной, и на ту огромную тень, которая семафорила очень издали. Надеюсь, это не йети. Еще и его любви я не вынесу...

Ни одного аборигена с чашкой горячего супа и куском душистого мыла! Ленивые негодяи эти местные!

Когда я вышла к реке, солнце уже стояло в зените. Стало припекать. Я искренне порадовалась своему легкому наряду — конечно, не бикини, зато на местности камуфлирует!

И тут меня встретили змеи! Эти гады медленно и целеустремленно заскользили ко мне по песку.

— Мамочки! — запрыгала я кузнечиком к воде. Где-то я читала, что змеи воду не любят!

Оказалось, меня хладнокровные любили и ценили гораздо больше холодной воды, поэтому и на водной глади продолжали неумолимо преследовать.

Ой! Пока я скакала, краем глаза увидела живых двуногих, носившихся по противоположному берегу.

Маленькие они какие-то и раздетые... Гулливер в стране лилипутов? Только когда на обрыве показался еще один туземец, я поняла — передо мной дети.

Оглянулась себе за спину и красочно выразилась. Если раньше меня, судя по расцветке, преследовали обыкновенные ужи, то сейчас в бой за право собственности вступили гадюки и полозы.

— А-а-а!!! — не сдержала я восторг души, вскакивая на камень у кромки воды. — Спасите! Уберите от меня эту гадость!

Аборигены услышали мой пламенный призыв и обернулись.

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как меня начала любить рыба!

— И-и-и! — завизжала я на одной ноте, первый раз получив мокрым скользким хвостом по лицу и попытавшись дать сдачу. — ПОМОГИТЕ!!!

И не надо говорить о женской глупости! Я из вечной мерзлоты! Там все такие — привыкли в случае агрессии сразу давать отпор!

Косяки рыб выскакивали из воды и пытались броситься мне на хилую грудь. Я прыгала, орала как резаная и уворачивалась.

Ноги скользили по булыжникам, а в голову закрадывалось сомнение в разумности. Причем не поступка как такового, а происходящего в целом...

Силы были на исходе, вода по-весеннему ледяная, течение сильное. Я запоздало поймала себя на мысли: «Господи, куда меня несет нелегкая?»

Уже принесла. Нога соскользнула с камня. Я плюхнулась в воду, поднимая брызги и визжа от страха. Тело охватил резкий, жгучий, выстуживающий внутренности холод. У меня пошла судорога. А рыба не отставала, упорно следуя за мной.

Последнее, что помню, — золотистое сияние и сильные руки...

ГЛАВА 3

— Ой, прямо дяденьке на голову...

— Ничего! Отряхнется — дальше пойдет!

Мультфильм «Приключения домовенка»

Меня немилосердно трясло и качало. Из-за этого голова болела еще сильнее, а содержимое желудка активно просилось наружу. Не открывая глаз, нащупала внушительную шишку на лбу и ойкнула — больно!

— Лежи, сердешная. И не вздумай вставать! — остановил меня надтреснутый женский голос.

Я приоткрыла щелочки глаз. Силуэт моей собеседницы виделся нечетко, как в тумане. Все плыло и двоилось, действительность представляла для меня сумму радужных пятен. Да и сам голос собеседницы временами доносился словно из-под воды. Привлекали внимание два ярких пятна: белое — чепец и синее — платье.

Я протянула руку и попыталась приподняться, но женщина пригрозила:

— Его милость барон Летгар не для того рисковал жизнью, вытаскивая тебя из речки, чтобы ты померла у меня на руках! Тем более — после того как отбил от полчища лесных и водных чудовищ!

— Угу! — сдавленно поблагодарила я неведомого спасителя. — Рыба?

— Разве ж это рыба?! — возмутилась женщина. — Это просто хищники!

— Тетенька, — раздался детский голосок, наполненный любопытством, — а почему рыбки хотели вас утопить?

— Молчи, негодник! — прикрикнула пожилая женщина, видимо исполняющая обязанности няни.

— Почему, Аннита? — вякнул второй ребенок. — Пока папа тетю вытаскивал, он столько новых слов сказал! Мы могли бы повторить...

— Скоро будем на месте, милая. Приедем, я тебя доктору покажу, — переменяла тему бабуля. — Доктор как раз у нас ошивается... приехал на помет Омии посмотреть. Любимой сучки его милости, стало быть. Очень он собак уважает. — (Я поперхнулась слюной.) — А ты лежи, лежи...

— О-о! — возмутилась я. Ну конечно, у меня и у собаки абсолютно идентичный организм. И болеем мы всегда одним и тем же! Ага! Чумкой!

В окно над моей головой сунулась морда оленя, застряв рогами.

— Уйди, паскуда! — Няня хлопнула животное по ноздрям туфлей. — Сколько можно?.. Ты уже девятый! И чего они сегодня взбесились, окаянные?

— Это они на тетю так реагируют! — заявил первый мальчик, наивно присовокупив: — Я тоже так на нее смотрю!

— Ш-ш-ш! — пристыдила детей старушка и продолжила излагать мне новые сплетни: — Мало нам магов, дак еще этот лекарь незваным заявился!

— Дядя доктор хороший! — вступился ребенок. — Он нам дал щенков подержать! И даже объяснил, откуда они взялись!

— Цыц, негодники! Ой, беда мне! — всплеснула руками бабуся — божий одуванчик. — Ужас! Нет чтобы заниматься этими сорванцами, — няня погладила парнишек по головам, взъерошив чубы, — так приходится этих старых перду... грешников обслуживать!

Мальчишки были настолько похожи друг на друга, да еще и одеты в одинаковые белые рубашки и серые штаны... В первые мгновения мне показалось, что у меня все еще не в порядке с головой. Или глазами... Близнецы лет восьми-девяти рассматривали меня с чисто детским любопытством, разбавленным изрядной долей страха.

— Аннита, можно я употреблю это выражение за обедом? — совершенно серьезно спросил второй парнишка.

Няня его не услышала.

— Но его милость барон Летгар приказали принять — а мы что? — продолжала бухтеть почтенная Шапокляк, постепенно накручивая себя. — Наше дело маленькое... Приказали — мы примем. — Зловеще: — Еще как примем!

Последняя фраза прозвучала как-то... на месте доктора садиться за общий стол я бы точно побоялась.

И тут до нее дошло послание подопечного. Старушка отвлеклась.

— Какое выражение? — подозрительно спросила она ребенка. Но тот уже переключился на ворону в окне, и сейчас детки о чем-то оживленно шушукались.

Мое зрение постепенно восстанавливалось. Еще немного — и я смогу нормально разглядеть незатыкаемую спутницу.

А бабуля поправила сползший на сторону чепец, вспомнила обо мне и сменила тему разговора:

— Вот как на грех! Только первый раз вырвались на речку отдохнуть — и тут нам тебя водой принесло.

Я попыталась извиниться за доставленные неудобства. Но из пересохшего рта вырвалось одно мычание.

Старушка строго посмотрела на меня и родила замечательную идею, вполне в духе остального ее человеколюбия:

— Святая Спасительница, и кто это тебя до такого состояния довел, бедняжку? Кожа да кости! Лет-то тебе сколько?

Я только хотела открыть рот и сказать, что мне двадцать три, как старая яга поторопилась донести до меня свежую точку зрения:

— Небось лет сорок, не меньше — верно? Дети-то мамку обыскались, поди...

Мое «ик!» было ей достойным ответом.

Что сказать... полет свободной фантазии почтенной женщины оказался воистину безграничным. За те час-полтора, что мы тряслись в карете, меня — во-первых, безапелляционно охарактеризовали как блаженную, сбежавшую из дома.

Во-вторых... с чисто носорожьим тактом и слоновьей деликатностью служанка щедро наделила безвестного найденныша придурью, нищетой и библейским количеством родственников. И тому подобное...

Насчет родичей — я выдуманной персоне даже несколько позавидовала. Собственно, кроме брата Алексея, у меня больше никого не осталось. Отца своего я не знала, мать историю их отношений скрывала до последнего, как шпион национальную принадлежность.

Мама умерла от рака, когда мне было шестнадцать. Брат, который старше меня лет на десять, — живет в другом городе, и общаемся мы только по праздникам. А теперь и вовсе неясно — свидимся мы с ним в этой жизни или нет.

Слеза скатилась по моей щеке, вызвав очередной словесный поток у не в меру болтливой старушки.

Когда голова перестала кружиться и я смогла сфокусировать зрение, лицо соседки больше не казалось цветным блином, размазанным на темном фоне.

Я пригляделась повнимательней. Рядом со мной восседала дородная бабулька с крючковатым носом, который, кстати, ее совсем не портил. Наоборот, только добавлял пикантности к остальному облику подвижной серой крысы.

Или мыши — знаете таких? С цепкими темными глазками, не оставляющими в стороне ни одной детали, некрасивым личиком и выступающими верхними зубами. Ну нату-

ральная мышь! Или, скорей, крыска Лариска. О, я ж придумала ей кличку раньше — Шапокляк!

Дальнейшее исследование показало, что я лежу в карете на скамье, накрытая теплым меховым одеялом-полостью, а напротив меня примостились те самые детишки, которых я видела на пляже.

Наконец, проехав въездные ворота и длинную аллею, карета остановилась. За это время мы подверглись нападению всех окрестных птиц, и еще кто-то пытался прогрызть на ходу пол. Никак слишком активно стремился воссоединиться с предметом пламенной страсти.

— Приехали! — обрадовалась старушка. Скомандовала: — Вынимай!

Мы остановились перед каменным двух-, а местами и трехэтажным особняком в типичном тюдоровском стиле, как я его понимаю, — с высокими узкими арочными окнами, забранными частой металлической оплеткой. Определенный тип строения. Меня удивила очень специфическая архитектура. Будто под свинцово-серой крышей в одну домину слепили буквой «П» минимум пяток зданий поменьше.

Все чистенько — фонтаны, идеально ровные газоны, высокая каменная ограда, увитая плющом и диким виноградом.

Дюжий то ли лакей, то ли конюх с рябым лицом вытащил меня вместе с одеялом наружу и понес в дом. Шел он быстро, словно не женщину на руках держал, а пуховую подушку.

Бабуля шустро бежала впереди, показывая дорогу. Мальчишки воспользовались моментом и слиняли.

И очень вовремя, кстати! Толстоногие коренастые кони, запряженные в карету, немедленно выразили желание пойти со мной и посмотреть, куда меня поселят. Еле-еле кучер с помощью кнута убедил их поменять планы и отправиться в конюшню.

Меня прижали к груди чуть сильнее, и я уже не видела ничего, кроме широкой груди несущего меня мужчины да кусочка неба. Небо вскоре сменил потолок.

Меня принесли в комнату для прислуги и аккуратно опустили на узкую кровать. Запахло выпечкой и глаженным бельем. Домовитая у них экономка, сразу видно!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. УРОКИ ВЫЖИВАНИЯ, ИЛИ КТО КОМУ СЛУЖИТ	12
Часть вторая. УРОКИ ЭТИКЕТА, ИЛИ КТО КОГО ВОСПИТЫВАЕТ . .	179